Утешение изгоев

Автор:
Евгения Михайлова

Утешение изгоев

Евгения Михайлова

Детектив-событие

Аню попросили быть понятой: в соседней квартире случилось ЧП. Пропала хозяйка, украден сейф с ценностями, и это только верхушка айсберга…

Маша открывает для себя стендап-шоу и становится комиком. Кажется, у нее неплохо получается – зрителям нравятся ее ироничные монологи. Но однажды происходит страшное…

Стефания верит, что начальник Денис ее любит. Но владелец крупной торговой компании вовсе не собирается жениться на простой секретарше! Оскорбленная Стефания становится объектом травли и чуть ли не преступницей…

Частный детектив Сергей Кольцов старается помогать слабым, ведь они часто рискуют стать изгоями и потерять даже то немногое, что у них есть…

Евгения Михайлова

Утешение изгоев

Все персонажи и события новелл вымышленные. Совпадения с реальными фактами случайны.

© Михайлова Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Садистка Миронова

Как прилипают к людям короткие, жестокие и окончательные определения, которые произносит человек, владеющий информацией и не знающий сомнений. Намертво, не отмыть.

До того случая Нелю Миронову никто не считал садисткой. Даже наоборот: ее считали доброй теткой, способной на жалость и помощь. Ну, пусть немного нелепой или даже с придурью, но в этом был какой-то шарм. Появиться во дворе закутанной с ног до головы в восточные экзотические шали, которые каким-то образом держались на ней, а под ними явно не было ничего. Сотворить на голове сооружение типа осиного гнезда из вполне красивых в нормальном состоянии длинных волос. Схватить первого встречного и долго нести какую-то воспаленную, не слишком связную чушь, не будучи в состоянии опьянения или под допингом. Это у Мироновой что-то вроде странного эпизодического вдохновения. Неля говорила о том, что чувствует, как все видит, и собеседник ее интересовал чисто формально. Она просто сама понимала, что говорить с собой вслух на улице не стоит, это смахивает на неадекватность. Но идея была именно такая – поговорить с собой не в одиночестве, а в открытом и людном пространстве.

Короче, Неля Миронова была забавным, не банальным, странным и неплохим человеком, как всем казалось. И главным аргументом в пользу такого мнения была ее склонность подбирать попавших в беду кошек и собак. Принадлежность к зоозащите делала ее частью сплоченного коллектива спасателей.

Так все и было до того самого случая.

Неля с мужем Григорием часто отправлялись в разного рода вояжи, «связанные с бизнесом», как высокопарно и загадочно объяснял знакомым Григорий, который представлялся то дизайнером, то пиарщиком, а то и вовсе художником.

Из всего содружества районных собачников только Надя видела художества Григория. Лишь она бывала в квартире Нели, потому что та всегда призывала ее на помощь, когда нужно было ловить и спасать очередное животное. Надя не для одного района Запада Москвы была безусловной, недремлющей, профессиональной «спасательницей». Готовой в какое угодно время дня и ночи, посреди любого дела все бросить или проснуться, одеться на ходу и мчаться: искать, хватать, спасать и заставлять очередного мехового бедолагу ловить всеми четырьмя лапами свой шанс на жизнь, а даст бог – с ее, Надиной, помощью, – и на редкое, настоящее собачье-кошачье счастье. Люди интересовали Надю как свидетели, участники или виновники драм и трагедий животных. Она говорила о них скупо и очень коротко, если кто-то задавал вопрос.

На вопрос о картинах Григория, существуют ли они на самом деле, Надя отвечала:

– Существуют. Висит одна на стенке. Все черное, синее, красная молния, купол и крест. Все.

– И как это, по-твоему? – спрашивали любопытные.

– Мрачновато, дилетантски, но, возможно, что-то и есть. Он говорит, что продаются.

Сама Надя была профессиональным иллюстратором детских книг. Ее мнение и тут было самым авторитетным.

А тот роковой случай начался с того, что Неля с Григорием привезли из очередного города пару щенков до двух месяцев от роду. Неля рассказала знакомым собачникам, что фактически спасла несчастных от черной заводчицы, которая плохо с ними обращалась. Заводчица скрещивала разные мелкие породы, чтобы получились миленькие, маленькие, пушистые собачки, и продавала их недорого, без всяких документов, причем торговля шла очень бойко. Осталось неизвестным, как Неля с ней познакомилась, с какой целью, но в результате они с Григорием забрали двух крошек, которые самой владелице казались нежизнеспособными, за символическую сумму. Скорее всего, предприимчивой и не слишком удачливой в «бизнесе» паре показалось, что это и есть золотая жила.

Неля восторженно говорила всем желающим послушать:

– Их нужно просто выходить, немного откормить – и получится чудо. Я видела, какие они бывают после четырех месяцев: пушистые, глазки, реснички, большие ушки и хвост шикарный на всю спинку, локоном. Но это тот случай, когда я не стану пристраивать бесплатно. За небольшие деньги. Если пойдет, мы привезем от этой заводчицы еще. А пока, если можно, девочки, помогите: кормом, копеечкой – на осмотры, прививки и все такое. Мы на такой мели, как никогда. Ничего не идет у нас.

Помощь собирала, как всегда, Надя. И это были, конечно, не копеечки. Все знали, что в квартире Нели есть и другие животные. Надя таскала туда пакеты с кормом, пеленки, деньги. Возвращалась молчаливая и грустная. Надя не выносила страданий животных, особенно собачье-кошачьих детей. Она ни с кем ничем не делилась, но все время напряженно о чем-то думала. И однажды позвонила Татьяне Соколовой. Это была совсем не контактная, даже немного высокомерная дама, доктор наук, она занималась физикой космоса и океана. Жила Татьяна одна в большой квартире. Отец и мать, которые были профессорами известного вуза, умерли рано, друг за другом. Дочь Тани училась в Париже. Татьяна ненавидела телефонные разговоры, обрывала их после второй фразы словами «я работаю». Ее не очень интересовали люди вокруг, еще меньше – сплетни о них. Никто на нее за это не обижался: люди наверняка выглядят жалкими и лишними на фоне космоса и океана. Но Татьяна имела отношение к местному зоозащитному содружеству: всегда помогала деньгами приютам и найденышам, разоблачала в соцсетях живодеров. И одну вещь о ней знала Надя, но ни с кем ею не делилась. Когда год назад у Тани умер от рака ее питомец Чарлик, она просто исчезла на долгое время. Ее подруга сказала Наде, что Таня взяла отпуск, чтобы поработать дома над новой темой. Даже продукты заказывает только по интернету. Но Надя не поверила в такое совпадение – женщина потеряла любимца и просто взялась за новую тему в науке, потому пропала. Надя со своим собачьим нюхом прошлась по двору Таниного дома и, конечно, нашла соседку, чья лоджия была рядом.

– Надюха, только между нами, – сказала соседка. – А то она меня просто убьет. Но у Татьяны всегда открыты все окна. Короче, после того, как ее песик помер, она постоянно плачет. Первое время вообще криком кричала. Я ее как-то увидела, когда она мусор выносила. Спрашиваю как будто между прочим: другую собачку заведете? Она резко так, чуть ли не с ненавистью, сказала:

никогда и ни за что. Больше не могу. Нет, говорит, на такое времени.

После того как Татьяна появилась, спокойная, уверенная и отстраненная, как всегда, Надя несколько раз начинала с ней разговор: какой, мол, есть замечательный пес. И еще, еще…

Таня просто не реагировала. Но однажды сказала в своей резкой манере:

– Надя, ты это брось, другим, пожалуйста, такое говори, тебя слушают. Мне больше не нужна собака. Никогда. У меня нет времени – работа, другая жизнь. И еще: скажу только тебе. Это надо совсем мозга не иметь, чтобы сознательно обречь себя еще раз на такие пытки: смотреть, как близкое, беспомощное существо мучается, а ты больше ничем не можешь помочь. Ты хочешь его задержать, только этого, своего, самого нужного, а он уходит. Самый преданный беспощадно тебя бросает. Такое сравнимо только с потерей ребенка. Разница лишь в том, что животные никогда не взрослеют и очень мало живут. Остаются безнадежность, боль до воя и пустота. Все. Тема закрыта. Будет нужна помощь – звони.

Надя очень хорошо продумала свои слова перед тем звонком.

– Таня, тут такое дело. Даже не помощь нужна. С ней в порядке. Просто одна идея есть, которая мне не под силу, а у тебя может получиться. У тебя столько подписчиков в сетях. Можно зайти к тебе на десять минут?

– Конечно, – ответила Татьяна.

Они посидели, выпили кофе, Надя рассказала все известные ей новости об общих знакомых – собачниках и кошатниках. Затем постаралась очень нейтрально пересказать историю о двух привезенных Мироновыми щенках.

– Прошло десять дней, – сказала она. – Один щенок, девочка, оказался далеко не двухмесячным. Девка вытянулась, худющая, но здоровая вроде, активная. Месяцев пять, не меньше, зубы уже поменялись. Ни разу, кстати, не пушистая, не миленькая и не забавная. Гладкошерстная, с длинным, почти голым хвостом, уши висят, причем по-разному, глаза маленькие, у носа. Думаю, тут у Нели с

продажей большой облом, но пристроить, в принципе, можно: собачка веселая и беспроблемная.

– Какая-то проблема со вторым? – спросила Таня, в упор глядя на Нелю.

– Большая проблема. Нет, я неправильно сказала: огромная проблема, Таня. Я не могу даже попытаться ее решить. Но не сплю и не живу, только об этом думаю. У меня, ты знаешь, дома пять собак-калек. Не считая кошек. А в таком варианте вообще не выход. Короче, второму малышу-мальчику нет двух месяцев, еще недокорм, размер мышонка. Тоже практически лысый. Он там вообще ничего не ест. Не встает с грязной тряпки под батареей. В общем, у людей свои проблемы: в квартире страшный срач, вонь, другие взрослые животные, один старый лабрадор лежит в углу и, похоже, умирает. К сыну-подростку ходят компании. Гриша выступает, как мне кажется, в нетрезвом виде. Неля ездит на подработки, говорит, это просто уборка подъездов: случайно заглянула в ее кошелку, в ней тряпки и моющие средства. Короче, я бы даже в голове не держала, таких ситуаций миллионы. Щенок под крышей. Корм и деньги мы собираем, я ношу. Сомневаюсь, что деньги вообще там идут на животных, людям же тоже есть нужно. И пить. Просто такой страшной муки в глазах крошечного существа я никогда не видела. Такого понимания безнадежности, такого страха перед людьми, другими животными, перед болью… Она явно есть. Ты не поверишь, но я иногда молюсь, чтобы этой крохе бог послал быструю смерть.

– В чем твоя идея? – сухо спросила Татьяна.

– В том, чтобы ты написала хороший текст, как умеешь, сделала бы выразительный снимок… И не врать, как мы обычно делаем, про какие-то пока никому не известные достоинства. А именно про милосердие. Про спасение от смерти в самом ее жестоком выражении. Такую жалость в ком-то разбудить, чтобы один – всего один человек – не мог спать и дышать… Как я.

– У тебя снимок есть?

– Да. Но ты же знаешь, какой у меня полудохлый телефон с такой же камерой. И опять же – срач виден, как ни крути. Я подумала: ты сможешь выбрать ракурс, отредактировать.

– Покажи свой снимок.

Таня долго разглядывала темное фото: крошечный щенок в дичайшем интерьере, на тряпке под страшной батареей. Неподвижная поза, как будто боится шевельнуться, узенькая мордочка, как у мышонка. И глаза… Да, мало кто такое видел. В них – бездна страха, отчаяния и полное отсутствие надежды. То есть он точно знает, что спасения нет. Щенок? Два месяца?

– Невероятно, – заключила Татьяна. – Хорошо. Но я в то подземелье шагу не сделаю. Кстати, неплохая была квартира, когда принадлежала матери Мироновой. Она же не так давно умерла. Как можно было успеть? Но не суть. Принеси мне завтра щенка, мы найдем солнечные места в квартире, я куплю игрушку. С таким депрессивным и по-человечески безнадежным выражением бедняге не найти хозяев. Люди – от самых умных до полностью тупых – ждут от животных «позитива», «радости». Как будто те им обязаны этим. Я попробую чуть осветлить выражение, уменьшить трагедию. Горя, конечно, здесь у всех хватает, но поищем такого оригинала, которому захочется его усугубить и побороться, даст бог.

Фотосессия состоялась на следующий день. Надя вошла в квартиру Татьяны и достала из-под куртки крошечное, дрожащее тельце, Таня приняла его в ладони. Под хрупкими ребрышками сразу почувствовала большой, практически каменный живот.

– Что это, Надя?

– Да. Ужас. Это появилось уже у Мироновых. Притом что я таскаю именно щенячью еду, лекарства, деньги на врачей. Черт бы их побрал, всех этих придурков. Торговцы живым товаром, блин.

Они приступили к работе. Щенок послушно застывал на каждом выбранном для съемки месте. Реагировал на каждое слово: вставал по просьбе, садился, опять ложился. На роскошного мягкого енота посмотрел измученно и равнодушно. После съемки Таня поставила в кухне блюдца с молоком, творогом, бульоном, водой. Всю собачью утварь, как и вещи, лежанки Чарлика она выбросила в день его смерти. Щенок подходил к блюдцам, нюхал… и просто не понимал, что с этим делать.

– Он не узнает еды, он не видел воды. Еще и потому каменный живот: обезвоживание, – произнесла Таня. – Он на самом деле умирает, но ему даже на

это не хватает сил.

Они посмотрели снимки. Надя задумчиво сказала:

– Они совершенно необычные. Очень хорошие по качеству, настроению, но…

– Но годятся только для одного: разорвать кому-то сердце, – сухо продолжила Таня, – без последствий для малыша. Я сомневаюсь, что у нас что-то получится. Будут только тысячи комментов: «Я пла?чу». А его время кончается.

– Но мы попробуем, – бодро произнесла Надя. – Ты столько раз вытягивала безнадежные темы. Помнишь…

– Помню, – оборвала Таня. – Все я помню, но то были другие истории. Не про обреченных с рождения.

– Так мы пойдем? – сказала Надя.

И щенок, который неподвижно лежал на полу у ее ног, вдруг поднялся и потопал своими коротенькими лапками, стараясь держать равновесие, к входной двери. Он понял, что ему велели уходить!

– Господи, – всхлипнула Надя.

– Оставь щенка, – сурово произнесла Таня. – До пристройства. С этим животом все равно нельзя никому показывать. Как бы резать не пришлось. Мироновой скажи, что и в этом случае облом по деньгам. Я не плачу живодерам и садистам. Если кто-то из них позвонит мне по телефону или в дверь – вызову полицию.

Так слово было произнесено в первый раз, возможно, сгоряча. Но Татьяна на то и ученый, чтобы все уточнить и довести до окончательного вывода.

Ее красивый снимок с пронзительным текстом появился в одной соцсети, вызвал массу комментариев и лайков, а через час Татьяна его убрала навсегда. Тест был проведен. А делом надо было заниматься срочно. У маленького квартиранта появилось имя – Ден, Деник. Его осмотрели в двух клиниках, в обоих случаях

Татьяна не согласилась с выводами. И к ней приехал самый востребованный Айболит, он же доктор Саша.

О многомесячных обследованиях и результатах лечения Таня рассказала в сжатом виде только Наде. «Каменный живот» удалось вывести постепенно без агрессивного вмешательства. Из щенка вышли усохшими комками куски тряпок, картона, фрагменты костей. Другой еды в желудке и кишечнике не было. И да, никакой жидкости.

– Наверное, они насыпают еду и наливают воду в общие миски, а Деник боялся к ним приближаться, – предположила Надя.

– Не имеет значения, – отрезала Таня.

Дальше обнаружилась запущенная, тяжело излечимая инфекция, которая причиняла сильный дискомфорт, боль и зуд. Дефекты, связанные с тем, что заводчица, вероятно, скрещивала родственников. Зубки выросли в два ряда, один ряд пришлось удалять хирургу. Щенок оказался крипторхом. И самое главное в свете расследования Татьяны Соколовой. Красивые, большие, уже обросшие мехом ушки были по периметру покрыты шрамами на равном расстоянии. Вывод хирурга: это сделал человек обычными ножницами.

– Я по одной причине это рассказала, – заключила Татьяна. – Никогда больше не хочу слышать ни слова о садистке Мироновой. И пусть не смеет приближаться к нашему дому. Да, теперь это дом Дени.

– В квартире Нели бывает куча всякого народа, – справедливости ради заметила Надя. – Дружки сына, собутыльники мужа… Неля может даже не знать. А коробка с ножницами и иголками стоит у нее на самом видном месте – на столе у окна. Она делает всякие салфетки, воротнички, украшения в волосы и продает.

– Да ну! Опять бизнес? – гневно произнесла Таня. – Ты добрый и справедливый человек, Надя. Но я скажу тебе одну вещь: если ты узнаешь, что в моем доме кто угодно может истязать, пытать беззащитное существо – это значит одно: я садистка.

На этом разговоре закончилась одна трагедия, началась совсем другая жизнь маленького Дени. Он остался небольшим коротколапиком. И стал тем самым чудом, о котором взахлеб рассказывала Неля, бросаясь в новый проект. Меховой песик очень красивого и необычного окраса – темно-серый верх и белоснежный низ с вкраплениями золотых «веснушек». Выразительные глаза, как из серого бархата, длинные ресницы, большие пушистые ушки. И да, тот самый шикарный хвост, который все считали выдумкой Нели. Белый меховой локон на всю спинку. Короче, типичная «милота» интернета, звездой которого Дени вскоре и стал.

Только одно не удалось преодолеть Татьяне, ставшей преданной и влюбленной хозяйкой Деника: прошло два года, а он по-прежнему боялся людей и других собак. И после коротких прогулок по самым безлюдным местам пулей мчался домой, в свою обретенную крепость. Только там становился веселым, игривым, активным и смешным.

– Бывают и собаки – аутисты, – говорила Татьяна. – Как у людей: феноменальная память и очень низкий болевой порог. Есть взрослые люди, которые помнят себя чуть ли не с грудного возраста, каждый эпизод причинения боли или унижения. Есть такие животные. Им бы создать свою планету добра…

Неля Миронова выполняла поставленные условия, и Татьяна за все это время больше о ней не слышала.

Однажды в яркий жаркий день Татьяна решила пойти в дальний магазин, путь к которому лежал через большую «собачью» поляну. Там собирались «все свои» со своими питомцами. Таня не могла туда приходить с Дени. Людей и собак было много, Тане обрадовались те и другие. Женщины что-то оживленно обсуждали, когда Татьяна присоединилась к ним. Одна из них сказала:

– Какая ты все-таки умная, Таня. Как ты правильно тогда про Миронову сказала: садистка. А ведь были такие, которые тебе не поверили. Теперь все ясно с этим преступным семейством.

– Что-то случилось? – уточнила Татьяна.

– Ты не слышала?! – воскликнули практически хором собеседницы. – Там такое… Сына Мироновой арестовали за групповое нападение, избиение и вроде бы изнасилование девочки-мигрантки в Подмосковье. Ей всего тринадцать лет. Она

в больнице в тяжелом состоянии, он в СИЗО.

Татьяна по обыкновению не выразила никаких эмоций – ни ужаса, ни удивления. Вообще не отреагировала, а достала свой смартфон и что-то там стала читать.

– Да, – наконец произнесла она. – Есть в деле Виктор Миронов, шестнадцать лет. Он?

– Да. Так ты в курсе? Вот садисты, скажи!

– Я скажу, – спокойно ответила Татьяна. – Это тот случай, когда не стоит торопиться с выводами и выносить приговоры на лужайке. Я знакомилась с материалами адвокатов и правозащитников. Не совсем так, как говорят по телевизору. Нападение на девочку-мигрантку организовала одна молодежная неонацистская группировка. В ней далеко не одни подростки. И такая иерархия: главари и зомбированные, запуганные рабы. Среди первых в основном дети чиновников, депутатов, вторые – из простых семей. Всех вип-детей уже отмазали. В СИЗО остались только вторые. Их во всем и обвиняют. И все может с ними случиться. Чтобы не заговорили. Так что я закрываю сейчас тему, которую и начала: о садистке Мироновой. То было мое личное дело, мои чувства и жизнь дорогого мне существа. Сейчас Неля Миронова в большой беде. И это так вне зависимости от того, совершил ли на самом деле ее сын преступление или его подставили. Она мать.

Был закрытый суд, приговор, и Виктора Миронова отправили в колонию для несовершеннолетних на шесть лет. Но он не пробыл там и двух месяцев. Однажды утром его нашли повешенным на ветке старого дуба во дворе. У следствия были две версии – суицид и кровная месть. Вскоре осталась только вторая, так как независимые эксперты обнаружили гематому на затылочной части и следы насилия на теле, кровоподтеки на руках: парень сопротивлялся.

Только Надя решилась позвонить Татьяне и спросить:

– Ты знаешь? Ты веришь, что это кровная месть? Там же забор и колючая проволока.

– Знаю. И я никогда ни на грош не верю в официальную версию, если точно знаю, что в деле был большой подлог. Это все равно что вписать в математическое

уравнение цифры с потолка и выводить теорию. А жертв подлога часто заставляют замолчать навек. И мы уже никогда не узнаем, был ли сын Нели преступным по сути, хотя то, что он связался с подонками, конечно, ужасно само по себе. Но расплатился по полной программе. Ей я сочувствую в любом случае. Помощь нужна?

– Да нет, – ответила Надя. – Она не просила. И вообще мы узнали, что ее Гриша продал квартиру и большую дачу ее матери, которая недавно умерла. Они ведь живут в квартире, оставленной Неле по наследству покойной. Вот только, говорят, все деньги он положил на свой личный счет. У них общего и нет, у Нели вообще его нет. Выглядит она страшно: худющая, почерневшая, как обугленная, ходит в каких-то лохмотьях. И это не потому, что у нее нет одежды: она же сама шьет красивые вещи. Наряжалась раньше. Просто такое состояние.

В следующий раз Надя позвонила через пару недель, Татьяна не сомневалась, что речь опять пойдет о Мироновой. Но чтоб такое…

– Таня, прости, что опять дергаю, наверное, от работы оторвала. Но я не знаю никого, кроме тебя, кто мог бы что-то придумать. В общем, опять идея с фото, текстом, только сейчас вообще дурдом. Все усугубляется и тем, что к Мироновой никто не хочет идти. И не только из-за истории с сыном.

– Нельзя короче? – попросила Татьяна.

– Можно! Сейчас! – прокричала в ответ почти на истерике Надя. – В общем, такое случилось. Несколько дней назад кто-то прикрутил цепью к скамейке в нашем парке крупного черного пса. Какая-то бойцовская порода, наверное, я в них не разбираюсь. Можно было бы поискать любителей породы, но есть огромная проблема. У пса дефект – неправильный прикус, сильно выдается нижняя челюсть. Впечатление жуткое. Все боятся. Он еще лает басом, иногда рычит. Я палкой к нему подсовывала миски с едой и водой. Обзвонила все передержки и почти всех ловцов. Никто не берет. У ловцов и снотворных препаратов больше нет для отлова. Короче, пришла Неля, отвязала и повела домой. Он пошел с ней спокойно. Соседи говорят, Гриша дико ругается, на улице слышно. Я к тому, что если фото, текст… Есть же люди, которые ищут собак именно на охрану и для устрашения, ты же знаешь.

– Да. Знаю. А если собака для охраны оказывается недостаточно свирепой и кровожадной, то ее прикручивают к скамейке в парке… Плохая история.

– Но ты попробуешь? – умоляюще проговорила Надя. – Ты же можешь разбудить в людях что-то человеческое. Конечно, к тебе домой нельзя из-за Деника, но Неля на улицу выведет. Что скажешь?

– Я приду к ней домой через час пятнадцать, – по обыкновению четко ответила Татьяна.

Неля открыла дверь до того, как Татьяна прикоснулась к звонку. Да, видок. Скелет в кокетливом цветастом халате-сарафане с рюшами вместо рукавов и по глубокому вырезу на груди. Лицо не просто худое, оно вроде вытянулось, кожа обтянула острые скулы, а под глазами отеки и чернота. Хозяйка провела гостью в большую комнату, по углам которой лежали собаки и кошки. Таня сразу узнала ту страшную батарею, под которой на тряпке лежал крошечный Дени. Рядом у окна стоял тот самый столик, на котором большой короб для поделок. И да: в нем разного вида и размера ножницы.

– Таня, – испуганно произнесла Неля, поймав ее взгляд. – Я клянусь тебе, что не знаю, кто мог такое сделать с ушками… Я крутилась тогда как белка в колесе. Понимаю, что нет мне прощения.

– Да брось, – прервала ее Татьяна. – Мы все это проехали. Мы с этим справились. Где твое новое приобретение?

– В той комнате. Ты только не пугайся: он может залаять и даже зарычать, но это просто для острастки. На самом деле это добрый пес, правда, мне никто не верит.

Они вошли в комнату, где был только один большой черный пес. Он коротко, предупредительно зарычал. Татьяна остановилась на пороге, разглядывая его морду. Да, угораздило парня. Кажется, что у него постоянный зловещий оскал. А ему, наверное, даже есть трудно с таким прикусом. И глаза карие, несчастные.

– Неля, возьми тряпку и протри немного это место у балкона. Тут можно сделать нормальный план. Он же понимает то, что ты ему говоришь?

– Да, конечно! – воскликнула Неля. – Он все сделает, как я скажу.

Она вышла за тряпкой, вернулась, стала протирать пол… Ее рюши соскользнули с плеч, груди… И обнажили множество ушибов и гематом – кровавые, свежие, и желто-зеленые, давние…

– Что это, Неля? – спросила Татьяна.

– Ты про синяки? Да ерунда. Это я падаю, когда гуляю с этим псом. Он очень сильный и не приучен ходить на поводке. А я, видно, сильно ослабела.

– Неля, прекрати нести эту чушь. Это давно и постоянно делает человек, который имеет такую возможность. Один человек. Тебя избивает муж. Не собираюсь тебя ни о чем расспрашивать и выслушивать твои версии причин. Давай я скажу только одно, и на этом закроем тему. Гони его к чертовой матери. Кончится тем, что он убьет тебя, а тут полон дом животных. Давай работать. Скажи псу, чтобы он сел на это солнечное пятно на полу. Ты дала ему имя?

– Да, – ответила Неля. Она явно не собиралась опровергать то, что ей сказала Таня. – Я как-то сразу поняла, что его зовут Витязь.

«О боже», – произнесла про себя Татьяна. Неля, конечно, придумала себе сказку про реинкарнацию… Про возвращение к ней сына Виктора.

Пес на самом деле выполнял любую просьбу Нели и позировал на солнечном пятне, поворачиваясь, как требовалось, и даже голову наклонял и поднимал, как она говорила. Смотрел на нее преданно. Зрелище душераздирающее: два искалеченных, изувеченных жизнью существа тянутся друг к другу и видят в этом последнюю иллюзию собственной нужности.

Таня даже не стала рассматривать получившиеся снимки. Сослалась на срочную работу и ушла, обожженная прощальным виноватым и беспомощным взглядом Нели. По нему было совершенно понятно: она не собирается гнать своего бандита-мужа, который наверняка ее полностью ограбил. А у него ведь есть и своя квартира, которую он много лет сдает. Таня подавила в себе гнев и раздражение и набрала телефон Нели:

– Ничего не говори, просто запомни. Как только скажешь, я пришлю к тебе адвоката, юриста, если понадобится, частного детектива. Все будет совсем не сложно и не долго. Развод по суду и раздел. А у тебя и твоих животных наконец появятся своя квартира и деньги. Я только сейчас поняла, что это все у тебя отобрали. Вместе с нормальной жизнью, кстати.

Неля вскоре позвонила, но, конечно, не по поводу развода, а просто попросила прислать снимки Витязя. Но даже по ее тону Тане было совершенно ясно: она никогда не примет предложение о помощи с разводом. Она это все категорически отвергла. Как и положено типичной жертве домашнего насилия. И все это тянулось бы столько времени, сколько Неле удавалось бы выживать, если бы не… Не народная мудрость о том, что «бог не фраер».

Это произошло буквально через несколько дней после съемки. Пьяный Гриша вернулся домой, затеял скандал и стал избивать жену. А пес Витязь вышиб массой тела дверь своей комнаты и с рыком бросился на Григория. Оказалось, что кусаться у него ничего так получается. Гриша выскочил из квартиры, добежал до гаража, схватил там охотничье ружье, разбил окно квартиры, благо она на первом этаже, и стал расстреливать собаку. А Неля прикрыла ее своим телом. В это время уже взломали входную дверь вызванные соседями полицейские. Примчалась Надя. Нелю отвезли в человеческую больницу с ранением под ключицей с левой стороны. Чуть ниже – пуля попала бы в сердце. Витязя, истекающего кровью, Надя с помощниками отвезли в ветклинику. Ран было много, но внутренние органы пули не задели.

Неля вернулась из больницы окончательной тенью. Но для решения она созрела: поменяла замки и приняла адвоката, присланного Татьяной.

– Она, главным образом, потрясена тем, что муж расстреливал ее Витязя, – сказал Татьяне адвокат после встречи. – Но я на связи со следователем, и дело будет возбуждено по статье «покушение на убийство». Речь о попытке убить жену. Мы это докажем. Мерзавец оставил много улик преступных намерений прямо на ее теле. А причина того, что не застрелил, – несколько сантиметров до смертельного выстрела, до убийства. Просто немного промазал.

В свете уголовного дела против Григория с разводом получилось легко. Деньги за дачу матери Нели он перевел ей по решению суда, из квартиры был выписан. Под домашним арестом сидел в собственной квартире, из которой выдворили квартирантов.

Неля оставалась тенью. Мало кто встречал ее на улице, она бегала только в ближайший магазин за какой-то едой. Говорили, что берет только молоко и хлеб для себя. Еду животным по-прежнему оставляла под дверью Надя. И главное – Неля больше ни с кем ничем не делилась. Никаких диалогов на публике с самой собой. Она как будто онемела.

Но однажды соседка по дому, страдающая бессонницей, рассказала такую вещь. Днем Неля выводила собак буквально на минуты. Но по ночам она выходила с Витязем, и они шли на большой пустырь через дорогу. Там гуляли часами. Бессонная соседка как-то решилась и сама погулять среди ночи по дорожке, параллельной пустырю. «Когда рядом человек с такой псиной, не страшно», – сказала она. Витязя все соседи очень зауважали после того, как он бросился защищать Нелю от побоев Григория. А во время своей прогулки соседка увидела невероятную картину. К Неле на пустыре подошла женщина, и какое-то время они гуляли втроем.

– Конечно, было темно, но, убейте меня, люди, я уверена, что то была Татьяна Соколова.

Надя не смогла вынести тот факт, что ее оставили без такой информации. Таня общается с садисткой Мироновой?! По ночам? Это надо увидеть. И следующей ночью она отправилась на тот пустырь со своей самой маленькой и молчаливой собачкой Соней. Походили, увидели это трио и спрятались за огромным старым и трухлявым дубом. Соню Надя взяла на руки. Стояли, смотрели. Да это же интереснее любого кино.

Неля и Витязь демонстрировали, чему он научился. Пес бегал, прыгал по команде, ловил мяч. Тот один раз долетел почти до ног Нади, Витязь схватил его, мельком взглянул на зрителей и равнодушно отвернулся. Он был при деле и явно при хозяйке. На том пустыре вообще происходили диковинные вещи. Начать с того, что Татьяна кормила Витязя лакомствами с ладони, а он ставил лапы ей на грудь и лизал лицо. А она только смеялась и ласково трепала его по огромной голове. Таня, которая всем говорила, что ей нравятся только очень красивые собаки, остальным помогает потому, что они благороднее и беспомощнее людей! Неля даже смеялась иногда, что-то рассказывала оживленно, как раньше. И вдруг она страстно, горько и отчаянно зарыдала, заговорила бессвязно, безнадежно, алогично. Надя могла разобрать только отдельные слова: Витя, Гриша, никто не виноват, мы все убиты… Витязя надо

поднимать, он так пострадал…

Татьяна не прерывала, не утешала, просто слушала. А потом сказала:

– Миронова, ты хочешь меня обнять? Я не знаю, как еще объяснить, что ты не одна, что жива, что есть на свете человеческое тепло.

И Неля рванулась к ней, как раньше Витязь за лакомством. Так же положила руки ей на плечи, прижалась мокрым лицом к лицу той, которая назвала ее садисткой. И Татьяна ласково гладила ее по голове, как никогда не прикасалась к чужим людям, только к животным. Надя испугалась, что сама заревет в голос, и бросилась бежать от этого пустыря страстей и открытий. Погуляла еще с Соней, примерно через полчаса подошла к дому Татьяны. Просто интересно: не любит ли она меньше теперь своего робкого маленького Деника, милоту интернета. Сейчас уже рассвет, в это время они вроде выходят первый раз. Надя позвонила по мобильному:

– Не разбудила? Мы с Соней забрели к вашему дому, я подумала: может, вы с Дени гуляете.

– Почти, – спокойно ответила Таня. – Мы как раз выходим. Только проснулись.

Они вышли из подъезда, Дени посмотрел на Соню тревожно и подозрительно, Надю он вообще постарался не заметить.

– Все хорошо, – сказала ему Таня. – Ты молодец. Мы просто погуляем.

И странный песик закинул свой немыслимый хвост-локон чуть ли не до ушей. Я, мол, тут самый главный и прекрасный. Мне так сказали.

– Ну не могу, – произнесла Таня. – Ты видела когда-то такую красивую собачку? Я нет. Ангел с хвостом.

– Никогда, – ответила Надя. – Даже тогда, когда он был умирающим мышонком. Я сразу поняла, что такого надо нести только к тебе.

Они гуляли, говорили обо всем, но ни слова о Неле Надя не услышала. Понятно, с одной стороны – это чужая и больная тайна. Но Надя была так переполнена чувствами после увиденного, что у нее до сих пор дрожали руки, ноги и сердце. То, что она видела, – это вроде хорошо, несмотря на весь ужас. Но как обидно, что не с кем обсудить. Татьяна, мастер по осуществлению Надиных идей, закинула, как Дени, воображаемый пушистый хвост и спрятала за ним что-то самое важное. Только это главное знание и могло бы сейчас вернуть Наде равновесие.

Они с Соней проводили Дени с хозяйкой до подъезда. Надя думала о том, как ей холодно попрощаться и уйти по возможности гордо.

А Татьяна вдруг задержала ее за локоть и произнесла:

– Витязь дома. Это точно, она его никому не отдаст. Ты сделала это, моя дорогая. Ты всегда это делаешь.

Так вернулся порядок. Надя несла его к себе домой как награду, а прохладное утро ласкало, утешало ее горячие и мокрые глаза.

Лучше, чем труп

Аню разбудил жуткий стук в ее входную дверь. Стучали явно кулаком! Наверное, она не услышала звонок. На часах было начало второго ночи. Это может быть только пожар! Если не потоп. Аня вскочила, потянулась за халатом, но сразу сообразила, что одеться нужно, имея в виду готовность бежать из дома. Сразу появился самый срочный план: сложить в сумку документы, карты, небольшую сумму наличных, которые лежат у нее в столе. А в другой сумке-рюкзаке устроить удобное гнездышко для котенка Норы, которую она подобрала на дороге три дня назад. Это дивное существо стального цвета с ушами, как у летучей мыши, сейчас мирно спит на соседней подушке.

Но это все потом, иначе ей просто вышибут дверь. Аня натянула джинсы, майку и пошла открывать. За дверью не оказалось ни дыма, ни гари, ни потоков воды. Там стоял крупный мужик в форме ДПС. Он показал ей удостоверение и

произнес:

– Извините, что разбудил. Но мне очень нужна ваша помощь. Вы не могли бы со мной войти в квартиру напротив по коридору?

– Нет, – решительно и с облегчением ответила Аня. – Очень рада, что у нас не пожар, как я с перепугу подумала, но туда я не пойду ни за что. Они мне не нравятся, мягко говоря. А что случилось? Просто интересно.

– Случилось следующее. У женщины, которая зарегистрирована в той квартире, угнали автомобиль. Угонщик на ней врезался в другую машину в центре. Повреждены оба транспортных средства. Мне нужно сообщить владелице, узнать, как к угонщику попал ключ от ее машины, кто он и все такое. Но я звоню и стучу в ее дверь уже минут двадцать, и никакой реакции.

– Значит, ее нет. Это дочь владелицы квартиры, которая сейчас на даче. Дочь тут постоянно не живет. Где еще – понятия не имею. Зовут ее Зина, она сильно пьющая, так ключ и попал. Утром видела, как в ту квартиру заходила группа парней, со своими, кстати, ключами. Это все, чем могу помочь. Прошу прощения, но мне нужно спать, я рано встаю.

Аня уже почти захлопнула дверь, но полицейский ее придержал.

– Тут дело вот в чем, – сказал он почти жалобно. – Дверь в их квартиру открыта. Раз было ограбление, вполне возможно, что там труп. А я не могу один туда войти. Вы мне нужны как понятая.

– Ой, божечки, – в ужасе произнесла Аня. – Так вы меня зовете поискать в чужой квартире труп?! Мне сразу стало плохо, дурно, заболела голова и началась тахикардия. Я не пойду, я не могу такое видеть, у меня нервный лопоухий котенок спит один, проснется, увидит, что меня нет, – испугается. И меня кидает в дрожь от одного слова «понятая».

В это время открылась дверь лифта и на площадку вышел совершенно незнакомый Ане мужчина. Полицейский уставился на него.

– Я не знаю, кто это, – зашептала ему на ухо Аня. – У меня больше нет соседей, только в той квартире. Еще одна закрыта лет пять. Ее купили вроде впрок. А вдруг это соучастник? Пришел добивать жертву ограбления? Сейчас умру от страха.

– Разрешите ваши документы? – произнес полицейский в форме вопроса категоричное требование, шагнув к незнакомцу.

– У меня с собой только права, – ответил тот. – Я вообще-то приехал к себе домой с намерением тут переночевать. Утром должен впустить ремонтников.

– А, – поняла Аня. – Вы и есть тот человек, который купил двести третью квартиру впрок.

– Можно и так сказать, – улыбнулся неожиданный сосед. – Я просто работал пять лет за границей. Вернулся и сразу решил заняться квартирой: ремонт, обстановка. Я Игорь.

– А я Аня.

– Хорошо, прояснили, – сказал полицейский, возвращая права. – Игорь Сергеев, а вы не могли бы побыть понятым вместе с Анной? Она одна боится. Нужно войти со мной в квартиру, которая рядом с вашей. Там открыта дверь, а случилось следующее…

– Он думает, что там может лежать труп! – сообщила Игорю Аня, глаза которой на последнем слове расширились на пол-лица.

– Чей именно труп? – совершенно спокойно поинтересовался Игорь.

– Он думает, что Зины, дочери соседки. Это ее машину угнали и устроили ДТП.

– Не было возможности познакомиться ни с соседкой, ни с ее дочерью, так что в смысле опознания я – ноль, – пояснил Игорь полицейскому. – Но компанию вам составлю, разумеется. Тем более Анна боится. Со мной пойдете? – повернулся он к Ане. – Из нас троих только вы знаете Зину.

– Пойду, – постаралась храбро сказать Аня. – В любом случае буду мучиться и трястись. С информацией все же спокойнее.

Только на этом этапе потрясение и тревога немного отпустили, и ей удалось внимательно рассмотреть нового соседа. Какой-то он слишком красивый: стройный, элегантный, хотя одежда очень простая, с волнистыми русыми волосами, серыми глазами в темных ресницах. У нормальных людей не бывает ни таких соседей, ни ситуаций с ночным поиском трупов. Нормальные люди даже не подбирают котят, уши которых в два раза больше головы. Аня свою жизнь еще не прошла до половины, дай-то бог, а всего лишь до двадцати восьми лет, но она постоянно ощущала себя в сумрачном лесу, где только с ней происходят самые неожиданные, нелепые или часто опасные события.

Три человека, которые за короткое время стали почти коллективом, прошли довольно длинный коридор, полицейский открыл дверь квартиры номер двести два, ноги Ани прилипли к полу перед порогом, но Игорь ободряюще сжал ее ладонь, и они все вошли.

Аня никогда не заходила в эту квартиру. С ее владелицей познакомилась, когда переехала в это дом, чуть больше пяти лет назад. Лариса Егорова была человеком без возраста, подчеркнуто смиренной и тихой, как монашка. Одевалась соответственно. Свою единственную соседку приняла радушно. Но Аня очень скоро поняла, что Лариса лжива и непорядочна настолько, что от нее можно ждать чего угодно. Взять хотя бы тот случай, когда в ее квартире случайно поймали рецидивиста-педофила. Он приставал к ребенку в их респектабельном дворе, и кто-то позвонил в полицию. Он сказал, что снял квартиру у Ларисы Егоровой. Даже сумму назвал. А сама она заявила, что никогда его не видела. Когда началось разбирательство, она притащила откуда-то дочь-алкоголичку, зарегистрировала у себя и все свалила на нее. Якобы это дочь пустила. И только Зину тогда таскали на допросы в полицию, потом на какое-то время заперли в наркологической клинике. Она там сидела, пока вопросы к владелице квартиры не закончились. Раз Зина опять появилась, значит, Егоровой что-то нужно скрыть.

Они прошли вдоль прихожей. Свет горел везде. Аня сразу повернула налево по коридору, там явно кухня: надо посмотреть, не включена ли плита. На плите ничего не было, круглый стол завален объедками и пустыми бутылками. На стене орет телевизор. Мужчины осматривались в других местах. Анин мозг осветила идея – быстро сбежать. Пока ее не заставили опознавать тело. В конце

концов, проблема небольшая, посмотрят на фото Зины на каком-то документе – и без Ани справятся. И в тот же момент рядом нарисовался полицейский.

– Она тут, – произнес он удовлетворенно. – Храпит, но дверь в спальню закрыта. Надо туда заходить.

– Мне тоже или вы без меня? – с надеждой спросила Аня. – Я в смысле – раз храпит, значит, и опознавать не надо. Разбудите и обо всем спросите.

– Что за вопросы, – возмутился полицейский. – Говорю же, дверь в спальню я не открывал. Она там храпит или нет, надо смотреть. Одна, не одна – тоже. Пойдем.

– Ой, – произнесла Аня и про себя добавила: «Прямо мент какой-то. Вылитый».

Но в дверь заглянул Игорь и бодро произнес:

– Так приступим, Аня? Полное ощущение, что вопрос с трупом рассосался. А проснувшейся женщине приятнее увидеть рядом с собой соседку, а не двух чужих мужиков.

Мужчины бодро направились к закрытой двери, за ними уныло поплелась Аня. В конце концов, храпеть может один из убийц рядом с телом жертвы.

Полицейский уверенно толкнул дверь спальни и на мгновение застыл на пороге с открытым ртом. Рядом с ним в нерешительности застыл Игорь.

– Госссподи, – произнес полицейский. – Да она же голая! Анна, посмотрите быстрее, точно ли это дочь вашей соседки, для протокола, и валим отсюда.

Игорь ободряюще сжал ладонь Ани и мягко подтянул к порогу:

– На самом деле, Аня, взгляните, и быстрее покончим с этим.

Аня посмотрела… Полицейский не совсем прав. Она не очень голая. Вокруг шеи обвивается грязная майка, слипшиеся волосы – комком вокруг опухшего лица, поза вывернутая, страшная, уродливая… Но это, без всяких сомнений, Зина, дочь

Ларисы. Храп непрерывный, с переливами, похожий на групповой.

Полицейский долго и громко стучал по внутренней стороне двери, но было очевидно, что такой сон в ближайшие часы прервать невозможно.

– Ужас, – наконец произнесла Аня. – Но это точно Зина. Что же с ней делали… Из хорошего: это, конечно, лучше, чем труп.

– Допускаю, что все происходило по обоюдному согласию, – заметил Игорь. – Поза не изящная, мягко говоря, но достаточно расслабленная. Следов сопротивления не вижу. Но не исключаю, что после удовольствия ей вкололи наркотик для крепости сна. Я, кстати, юрист. Уголовное право.

Они вышли в коридор и синхронно выдохнули. В квартире оставили все как было, ни к чему не прикасаясь. Аня с Игорем подписали протокол.

– Спасибо за помощь, – торжественно сказал полицейский.

– Да и вам спасибо, – ответил Игорь. – Все было достаточно деликатно.

Аня чувствовала прилив эйфории от сознания, что сейчас доберется до своего душа, все смоет, ляжет рядом с теплой Норой, пошепчет ей что-то в ухо. Ей не только Игорь казался красавцем, но и полицейский – вполне милым.

– Кстати, вот вам в моих контактах телефон нашего участкового Васи, – сказала она ему. – У него есть телефон Ларисы, матери, он может ее вызвать. Он тут часто бывал по поводу похожих историй.

Полицейский уехал.

– Я так рада, что вы именно сейчас появились, – улыбнулась Аня новому соседу.

– Думаю, после такой интимной операции мы можем обращаться друг к другу на «ты», – заметил Игорь. – И я рад. Ты такая смешная и необычная.

– Я еще умею мгновенно засыпать, – доверительно сообщила Аня. – Если сейчас не добегу до кровати, упаду прямо здесь. Так что пока. Наверное, еще

увидимся…

До кровати она добралась и уснула на самом деле мгновенно, но сон оказался поверхностным, беспокойным. Какая-то самая тревожная часть мозга напряженно прислушивалась и чего-то ждала. И когда раздался шум в коридоре, Аня вскочила на автомате. На часах было шесть утра. Она выбежала в прихожую, приоткрыла дверь и увидела, как группа людей в количестве не меньше пяти собранно и уверенно зачищает место событий. Кто-то выволакивает Зину в накинутом на нее плаще, кто-то выносит пакеты с мусором, кто-то домывает пол. Затем они заперли квартиру и быстро испарились. Как будто ничего и не было.

Можно успокоиться и забыть все на какое-то время? После таких происшествий Лариса Егорова обычно залегает на дно, делает перерыв в своем бизнесе, который явно состоит в том, что она по особой таксе предоставляет приют деклассированным и криминальным элементам. Да, вот теперь нужно срочно все заспать. Аня открыла холодильник, радостно приветствовала стоящую там уже месяца два бутылку очень вкусного ликера, который редко бывает в магазинах. Аня увидела и взяла ее на случай каких-то удач, которых сто лет не было. И ничто не предвещало. Ну, не было – и не надо. Открыла бутылку, выпила немного. Как вкусно, и на нее сразу действует как снотворное. Времени выспаться сколько угодно. Аня работает преподавателем музыкальной школы по классу фортепиано. Ее ученики приходят на занятия после уроков в основной школе. Это сегодня с трех дня.

Сон на этот раз оказался крепким, блаженным и глубоким, как чистый и полный аккорд. Нора с удовольствием создавала нежный и теплый фон с мурлыканьем и кошачьими потягушками.

Пробуждение оказалось неприятным. В коридоре противным грубым голосом громко вопила и временами жала звонок квартиры Ани Лариса Егорова. На часах было одиннадцать.

– Какого черта, – с ненавистью произнесла Аня.

Но надела халат и пошла открывать.

– Что вам нужно? – спросила она, решив резко прервать очередной спектакль этой аферистки. – Почему вы надрываетесь одна в коридоре и звоните в мою дверь? Если вам плохо или нужна какая-то помощь – для этого существуют телефоны. Помощников на все случаи жизни у вас армия. А мне надо на работу собираться. Я закрываю дверь.

– Аня, подожди! – заорала Егорова. – У меня дочь пропала. Мне участковый сказал, что ты с полицией и каким-то чужим мужиком заходила в мою квартиру, писали протокол. Зина спала. А теперь ее нигде нет!

– Вы совсем обнаглели, Лариса Васильевна, – устало произнесла Аня. – Вы ведь все, конечно, прекрасно знаете. Я была в вашей квартире вместе с другим соседом как понятая, потому что у Зины угнали машину и на ней совершили наезд. ДПС проверяла, жива ли хозяйка этой машины, которая как-то связалась с преступниками. Дверь была открыта, она не реагировала на звонки и стук. Мы с Игорем, соседом, подписали протокол, в котором написано, что Зина спит как заспиртованное бревно, разбудить не представляется возможным. И ушли в свои квартиры! А в шесть утра вы прислали своих помощников, которые вывели Зину, помыли квартиру и заперли на ключ. Или это похитители драили пол в вашей квартире, чтобы смыть следы и ДНК стремных постояльцев?

– Утром приезжали мои родственники, – смиренно объяснила Егорова. – Да, они убрали квартиру, потому что чистоплотные люди. Зину отвезли в ее квартиру в Гольяново. Но сейчас ее там нет, и телефон не отвечает.

– Ну и что? Что необычного в вашей информации? И с какой стати вы решили сообщить ее мне? – насмешливо спросила Аня. – Зина проснулась и поехала по своим, скажем так, делам. Полагаю, вы не сильно обрывали ее телефон, пока она тут пила не один день с вашими криминальными постояльцами, угонщиками машин и, возможно, насильниками. Мы нашли ее голой, межу нами говоря. В полицию вы не обращались по поводу ее исчезновения. Так, может, обратитесь сейчас? Там, кстати, интересуются личностью угонщика и его подельниками. Думаю, эти личности известны именно вам, а Зине, в принципе, по барабану. Я ушла.

– Подожди! Не уходи! – завопила Егорова. – Поверь мне, Аня. Я на самом деле не знаю, где она. И чувствую сердцем, что тут все плохо. Ладно, скажу. У меня в квартире есть тайник, никто не найдет. В нем был сейф с немаленькой суммой, драгоценности. На даче держать такое опасно. Зина про тайник не знала, так

что навести не могла ни в каком состоянии. И вот: там нет ничего. Унесли вместе с сейфом. И Зина пропала.

– Не вижу связи, – произнесла Аня. – Повторю: Зина наверняка отправилась по своим делам. К примеру, опохмелиться. По первому пункту ничем помочь не могу. Обращайтесь в полицию. Предварительно составьте список – правдивый, учтите! – своих постояльцев. Такой вопрос возникнет в первую очередь.

– Добрый день, дамы, – появился в коридоре Игорь. – Прошу прощения: прослушал весь ваш диалог в прихожей. Не хотел вмешиваться, я для вас человек чужой. Но мать о пропаже дочери и других пикантных обстоятельствах кричала так, что и на улице, наверное, слышно было. Я – Игорь Сергеев, ваш сосед, Лариса Васильевна. И второй понятой по поискам вашей дочери в вашей квартире. У меня один вопрос: какая необходимость так кричать в коридоре о своей беде? Почему не прошептать что-то Ане на ухо, раз вы так ей доверяете? Не понял, правда, в чем именно. Почему не обращаетесь в полицию, мне понятно, объяснять не требуется.

– Ладно, – махнула рукой Егорова. – Раскусили. Я хотела, чтобы вы услышали. От Ани какой толк. Но мне участковый Вася сказал, что вы юрист. Подумала, может, поможете по-соседски. То есть я, конечно, заплачу… по результату. Мне бы деньги найти. Ну и Зину, может быть. Хотя тоже думаю, что она опохмеляется. Но с другой стороны – в ее квартире на полу видела бурые пятна, вроде кровь… Но с ней может быть что угодно: порезалась, мясо из морозилки вынула и положила не на сковородку, а на пол… Или просто месячные. Неряха она.

– Вот теперь внятное, я бы сказал, вменяемое объяснение своих мотивов. Лариса Васильевна. Оставьте мне свой телефон. Мне нужно кое-что обсудить с Аней: у меня свои причины. По результатам обсуждения позвоню. На этом давайте на сегодня расстанемся. Если будем работать вместе, то по договору и, возможно, с авансом. Все расходы в любом случае – ваши. Да, вы бурое пятно в квартире дочери смыли?

– Да нет, мне некогда было. И потом: чтобы отодрать квартиру Зины, бульдозер нужен. Я не поручусь, что это свежие пятна. Может, они давние: Зинка ничего не моет.

– Ясно, – кивнул Игорь. – Упомянули для драматизации. Чувствуется опыт интриги. Попрошу до моего решения ничего не трогать в этой квартире. Тем временем может и Зина появиться.

– Но я же насчет…

– Насчет сейфа. Я прекрасно понял. Просто я в поле любого преступления стараюсь иметь в виду возможные беды людей. Пока прощаемся. Аня, не уходи, пожалуйста. У меня небольшой разговор.

Игорь подошел к двери Ани, они оба демонстративно постояли молча, наблюдая, как Егорова, у которой сразу ослабели ноги и оттопырились уши, еле передвигается по направлению к своей квартире и явно изо всех сил пытается услышать, увидеть хоть затылком, что там у них происходит. Она долго поправляла коврик у двери, с великим трудом открывала эту дверь. Наконец скрылась за ней. Но понятно, что приклеилась ухом к двери с внутренней стороны.

– Комедиантка, – негромко произнес Игорь. – Аня, я хотел бы тебя пригласить к себе на завтрак или просто кофе выпить. Но у меня ничего нет пока, даже холодильника. А утром еще привезли материалы для ремонта, так что там все завалено. Если ты поняла, я так прямолинейно напрашиваюсь на чай или кофе.

– Конечно. Заходи быстрее, а то Егорова через щель своей двери в нас дырки просверлит взглядом, как лазером.

Они вошли, Аня закрыла дверь на все ключи и запоры, главным образом, для отпугивания соседки.

– Кухня у меня направо по коридору, – сказала она. – Ты там располагайся, а я должна хотя бы душ принять: Егорова своим воплем вытащила меня из глубокого сна.

Когда она вышла из ванной, то обнаружила, что Игорь по-прежнему в холле. Он с изумлением разглядывал стоящую перед ним Нору, которая отвечала ему пристальным, изучающим взглядом круглых желтых глаз.

– Аня, – произнес новый сосед. – Если бы в твоей квартире не оказалось этого марсианина, я бы, наверное, немного разочаровался. Теперь образ и впечатление полные.

– Нора – марсианка, – объяснила Аня. – Девочка она. И явно заинтересовалась. Мне кажется, она сейчас думает, что в тебе что-то есть. Ладно, пошли завтракать. И объясни, пожалуйста, что это было. Договор с Егоровой, согласие на поиск ее клада, изучение бурых пятен в загаженной квартире ее дочери. Да и насчет аванса с расходами – тоже интересно. Ты, наверное, пьешь черный кофе? Я только латте.

– А я – что дают. На латте согласен, только без сахара.

– И я пью без сахара. Тосты с тертым сыром тоже подойдут? Тут у меня выбора нет. Только консервы для Норы.

– Конечно. Рад, что у нас завтрак на троих. Почти по-семейному.

Все трое оказались голодными настолько, что на время все темы ушли на задний план. Затем Игорь попросил разрешения покурить и начал свой разговор.

– Собственно, уже времени у меня нет на подробности, нюансы. Скажу буквально в нескольких фразах. Мне надоело преподавать уголовное право. Хочется жизни и практики. Короче, я сейчас оформляю маленькое юридическое агентство с функциям детективного бюро. Набираю, точнее, очень тщательно отбираю, сотрудников. Мне нужно три-четыре человека, не больше. Ты поняла, что я приглашаю тебя? У тебя, конечно, нет никакого опыта, но есть интуиция, наблюдательность и, что еще важнее, – искренний и очень человечный отклик на все происходящее вокруг. Да, чуть не забыл главное: то, что стало понятно во время твоего диалога с Егоровой. Это тонкий стержень из очень качественной стали, на котором и держится воздушный, трепетный и прелестный образец одной только женственности. Трусость и панические атаки – как пенка на твоем латте. Меня устраивает все. Как работодателя, конечно.

– Ой. Даже не знаю, что сказать. Я работаю вообще-то. В штате и по своей профессии. Класс фортепиано в музыкальной школе.

– Так это прекрасно. Я же не о трудовой книжке. Я о сотрудничестве по договору в свободное время. И Шерлок Холмс играл на скрипке. То, что я предлагаю начать с расследования происшествий в царстве Егоровой, – ты и сама уже поняла. Заодно начнем отмывать действительность от нечисти прямо со своего коридора. На этом разреши поблагодарить тебя за чудесный завтрак и за то, что не отказалась сразу от моего предложения. Надеюсь, при следующей встрече я получу четкий ответ. За марсианский колорит – отдельное спасибо. Мне надо мчаться по делам. Когда можно позвонить вечером?

– Я освобожусь после восьми. Дома буду к девяти, надо еще в магазин зайти.

Игорь позвонил по мобильному Ани в девять сорок вечера.

– Ты дома? Ни от чего не оторвал?

– Да. И у меня ужин доходит в духовке. Ты далеко?

– Не очень. За твоей дверью.

Аня достала из духовки кастрюлю с каким-то экзотическим блюдом, распространяющим божественный аромат.

– У этого есть название? – спросил заинтригованный Игорь.

– Вряд ли, – честно призналась Аня. – У меня есть один, скажем так, авторский метод. Я делаю, к примеру, классическое грузинское блюдо чахохбили, как сейчас, а в процессе кладу в него все, что мне нравится. И в завершение, конечно, киндзмараули.

– Не хочется показаться нескромным, но уточню: ты это чудо приготовила, потому что собиралась меня позвать на ужин?

– Я, разумеется, собиралась, мы почти договорились. Но я бы и без тебя приготовила. Мне тоже не хочется разочаровывать человека, который оценил мою воздушность, но я очень люблю поесть.

В кухню вошла Нора и издала чисто марсианский звук.

– Это она сказала «пора», – перевела Аня. – Час ее ужина.

Они не говорили о делах и совместных планах. Игорь, конечно, не заметил, но Аня напряженно, до ломоты в висках, думала о том, какой ответ дать этому совсем нежданному в ее жизни человеку. Он втягивает ее в чужое, туманное и очень опасное для покоя и порядка дело только потому, что она была чуть ли не первой кандидатурой, подвернувшейся ему под руку. Но человек ей откровенно приятен – как сосед, с которым можно разделить ужин или завтрак. И это все, что она о нем знает. Более того: это все, что она хотела бы о нем знать. Но лезть ради таких пустяков в грязищу Егоровой, в другие преступления – это невозможно. Это нелепо. То есть ответ, разумеется, «нет». И сказать как-то мило: «Без обид, мы в любом случае соседи и почти друзья. В случае чего – выйди в коридор и просто позвони в дверь. Я тут».

После ужина Игорь поблагодарил и вышел на балкон покурить. Аня немного пометалась, пытаясь убирать со стола и мыть посуду. Но у нее тряслись руки от нетерпения – хотелось покончить с неприятным разговором. И постараться сохранить каплю того человеческого доверия, которое вдруг показалось таким необходимым. Она встала рядом с Игорем на балконе, мучительно искала нужные, убедительные слова.

– Расслабься, Аня, – спокойно произнес Игорь. – Я все понял. Все в порядке. Как говорится, без обид. В случае чего просто свистни – и я приду. На помощь или на ужин – без вопросов. К тебе или к Норе – без сомнений.

От неожиданности Аня даже покраснела, как будто ее поймали на чем-то постыдном. Одно дело – ты гордо говоришь: нет. И совсем другое – тебя этим «нет» просто затыкают до произнесения и фактически посылают: не больно было надо. И вдруг глазам стало так горячо, как будто сердце расплавилось от обиды, от непонятной потери и собралось изойти горькими слезами. Не было в жизни Ани ничего необычного, теперь и не будет.

– Какой ты проницательный, – постаралась она произнести насмешливо. – Шерлок Холмс без скрипки. Да, я на самом деле собиралась отказаться от твоего предложения. И даже сказать тебе то, что сказал ты: я тут, в случае чего заходи. Но сейчас я думаю вот о чем. У меня в холодильнике стоит начатая бутылка супер-пупер ликера. Я купила его какие-то недели назад на случай удачи. Иногда выпиваю буквально по глотку как снотворное. А его еще много. И

ни удач, ни событий важнее поисков трупа в квартире мошенницы Егоровой, нет и не предвидится. Давай вернемся за кухонный стол. Допьем этот чертов ликер после того, как я торжественно скажу «да»! Я сейчас поняла, что хочу этого.

После уверенного «да» Ани, скрепленного отличным ликером, Игорь, который не казался особенно удовлетворенным, прямо спросил:

– Это было не от нечего делать? Нет удач, нет надежды на важные события и все такое? Я не уверен, что все серьезно.

– Вопрос бестактный, но отвечу, – твердо сказала Аня. – Точно нет. Не потому. Причины есть, они четкие и веские настолько, что до сих пор я признавалась в них только себе. Ненавижу всю эту криминальную грязищу и свою беспомощность посреди болота. Но трусость, Нора, желание покоя и порядка… Но пианино и дети, которые приходят выучить гаммы, сыграть «Болезнь куклы»… Для этого всего нужна была защита, точнее, придуманная прозрачная скорлупа, за какой не спрятался ни один цыпленок на свете. И тут является сосед, которому кажется, что он знает, как отмывать действительность. Не то чтобы я сильно поверила, но взвесила сейчас то и это… А вдруг будет справедливость или хотя бы намек на нее. Я ответила?

– Да. Это был ответ человека, на которого можно положиться во всем. И я забыл тебе сказать главное: слишком волновался из-за нашего разговора. Но ты после работы не смыла косметику с ресниц и губ, и я окончательно убедился в том, что ты редкая красавица. На этой ноте откланяюсь и желаю спокойной ночи единственным марсианкам в моей жизни.

Игорь арендовал маленькое помещение для офиса в квартале от их дома. Нанял трех айтишников и бухгалтера по серьезным рекомендациям и сразу начал им платить зарплату со своих сбережений. Оборудование он тоже выбирал и оплачивал сам.

– Это и есть наше самое главное вложение. Когда дело пойдет, доживем до самоокупаемости, – сказал он Ане. – Готовлю договор для эксперта. Есть один такой, который стоит всех остальных. Именно он, гений Масленников, возьмет по минимуму. Он работает на истину, а не на работодателя. А в качестве следователя пока сойдет мой друг и частный детектив Сергей Кольцов. Это

легкий в контакте человек, к тому же блондин, в котором прячется беспощадный профессионал.

– Можно спросить? – Аня даже руку подняла, как на уроке. – В каком качестве ты оформишь меня?

– А ты сама как думаешь?

– Что-то вроде «хроническая понятая». Только в таком амплуа ты меня наблюдал.

– Это тоже, конечно. Как и многое другое, например, участие в мыслительном и эмоциональном процессе. Ты – мой партнер, если точнее. Будет доход – поровну.

– Мне нужны заработанные деньги. Я их даже люблю, когда они появляются, иногда поцеловать готова после долгого безденежья, – задумчиво произнесла Аня. – Но от слова «доход» несет Егоровой. Меня даже немного затошнило.

– Ну вот. Процесс пошел, – констатировал Игорь. – У тебя еще и нюх, как у поисковой собаки. Я не обидел тебя?

– Ты что! Это такой комплимент. Обожаю собак. Просто не могу себе позволить. А у собаки, между прочим, центр мозга по распознаванию запахов в сорок раз более развит, чем у человека. И допускаю, что не только этот центр. Просто изучают лишь то, что может быть использовано на практике.

– Значит, на собаках можем сэкономить, – заключил Игорь. – Я буквально в ближайшие часы сброшу тебе на имейл списки людей, с которыми Егорова в деловом контакте, и тех постояльцев, которых она назовет.

– А с какой стати она это сделает? Ее полиция по разным поводам спрашивала, она всегда отвечала: ко мне приходят только мои родственники и друзья. И ничего конкретного.

– Мне что-то скажет, в противном случае сейфа ей не видать. По нашему договору она обязана честно делиться любой информацией. Я обязуюсь сохранить ее в тайне.

– И что мне делать с этим списком, если он будет?

– Только реагировать, чувствовать и мысленно следовать по запаху зла, преступления, беды. Но мы все еще обсудим. Можно вечером зайти к тебе с Кольцовым?

– С блондином, в котором прячется свирепый профессионал? А то! Ради такого знакомства стоило все затевать. Обязательно накрашусь.

– Ему понравится твой настрой, – без улыбки сказал Игорь. – Он не любит дур и навязчивых, прямолинейных умниц-отличниц. Ты – самый милый вариант на фоне тех и других. Кстати, в Сережу все влюбляются.

– И такое счастье возможно? – восхитилась Аня. – Наш проект начинает мне казаться волшебным. А то ты все про отмывание действительности, я о справедливости и жертвах ради нее.

Она вернулась домой довольно рано. Сразу бросилась к компьютеру и прочитала список от Игоря. Параллельно варила украинский борщ по своему авторскому методу: кроме картошки, капусты, лука и свеклы, добавила в бульон с мясом маринованный имбирь. Классическая хозяйка сказала бы ей, что она все испортила. Так Аня и не хозяйка совсем. Она и не сыщик. Однако некоторым нравится и в том, и в другом качестве…

Игорь позвонил с дороги, и они приехали около девяти вечера. Сказать, что Сергей Кольцов блондин – это ничего не сказать. Аня даже на мгновение зажмурилась от его сияния – золотистые волосы, синие глаза и весь облик того, кто несет свою неотразимость как привычную, удобную и почти смертельную для окружающих ношу. Какое-то странное, ревнивое, что ли, чувство: такой друг и соратник не просто затмит куда более скромного и совсем не яркого Игоря, он может сделать его невидимым. А это очень грустно.

Аня приветливо улыбнулась гостям, поровну распределив теплоту взгляда, и очень внимательно посмотрела именно на Игоря. Ох, прямо от души отлегло: он не тупо скромный, он не тусклый. Он значительный и глубокий. А это другое дело на фоне любых сияний.

Игорь держал большой пакет. Аня посмотрела на него с тревогой. Не пришло ли им в голову принести ей цветы и какие-то пирожные, как даме, не дай-то бог? Это значит – сразу заявить о своем сексизме, расизме и прочей дискриминации в их маленьком коллективе. Она решительно выдернула пакет у него из руки, заглянула и радостно улыбнулась:

– Пиво! В таком количестве! Это просто отлично. Положить в холодильник?

– Лучше сразу в морозилку, – авторитетно заявил Кольцов. – На еду у нас не хватило терпения и воображения. Хотя хочется.

– Да у меня борщ горячий на плите. И черный хлеб, почти теплый!

– И не думай, Сережа, что это она для нас приготовила. Аня очень любит поесть, сама призналась. Других кормит просто за компанию, – объяснил Игорь.

– То есть полностью наш человек? Я потрясен. – Сергей решительно направился по запаху в кухню.

Оттуда раздался его голос:

– А вы в курсе, что тут ползает большое серое насекомое? Оно не кусается?

– Это Нора, – возмущенно произнесла Аня, влетев в кухню и схватив кошку на руки.

– Марсианка, – лаконично объяснил Игорь товарищу. – Она главная, так что воздержись от версий и критики. А то кормить не станут.

Во время позднего сытного обеда-ужина о делах не говорили. Мужчины вообще не особенно торопились к ним приступать. Может, на самом деле просто пожрать пришли? И Аня начала первой:

– Так я посмотрела твой список, Игорь.

– Посмотрела? Оперативно. Соображения не возникли?

– Знаешь, в ту часть, где «постояльцы», я даже не вникала. Это кошмар и бедлам, эти люди могут быть кем угодно, хоть расчленителями, хоть каннибалами. Они тут в полной защищенности от законов и контроля. «Помощницы, подруги, родственницы» Егоровой, которых оказалось такое большое количество, – тоже темный лес. Мне их фамилии ни о чем не говорят. А вот первую в списке, которая значится как «лучшая и давняя подруга» Ирма Денисова, я поискала и нашла ее профиль с фото в «Телеграме», есть еще сайт с услугами по недвижимости, там она предлагает помощь. Я видела ее много раз. Это такая уверенная, даже наглая тетка, которая приходит со своим ключом, причем всегда без хозяйки. Иногда ночует. В коридоре постоянно громко говорит по мобильному, раздает команды. Больше у меня нет ничего о ней, но я вспомнила… После смерти мамы, когда я решила продать квартиру, в которой мы с ней жили, потому что не могла в ней находиться одна, и купить другую, я попала в большую неприятность с одной прилипчивой бабой, которая впоследствии оказалась черной риелторшей. Опущу детали, но я чудом не осталась без денег и квартиры вообще, может, таким же чудом и выжила. Так мне сказал один следователь. Просто повезло. Она попалась буквально на трупе до завершения нашей сделки. Конечно, то была другая. Но эта Ирма – вылитая черная риелторша. Это прямо по запаху чувствуется.

– Молодец, – ласково произнес Игорь, как говорят любимой поисковой собаке. – Ты сделала этот уверенный вывод без всякой информации. А у нас уже есть полное досье на черную риелторшу Ирму Денисову. Масса интересного. В том числе бесследно исчезающие владельцы квартир, выставленных на продажу. У тебя есть еще какие-то соображения?

– Есть. Совсем странные, – робко сказала Аня. – Я редко вижу дочь Егоровой Зину. В основном в таком виде, с опухшим лицом, что и смотреть неохота. В смысле, я не рассматривала ее внешность. Мне только казалось, что она красит волосы в жгуче-черный цвет. Зато Егорову рассмотрела во всех деталях. Она почти альбиноска. Глаза такие светлые, что иногда кажутся белыми, ресниц не видно, брови белесые, волосы тоже. В общем, я нашла профиль Зинаиды Егоровой на «Одноклассниках». Она там практически ничего не пишет, только фотки иногда выкладывает. Так вот: она на самом деле жгучая брюнетка с черным глазами, густыми темными бровями, и это не тату, я рассмотрела. Совсем другой овал лица. Короче, ни малейшего сходства. Может, и так бывает, но я вдруг подумала: а она точно дочь Егоровой?

– Вообще-то да, черт подери, – заявил Кольцов. – Я видел их снимки, вопрос на самом деле возникает.

– Сейчас дам задание айтишникам – порыться в прошлом Зинаиды, – сказал Игорь. – Пока мы шарили только вокруг ее квартиры: записи с камер, дислокация мобильного телефона, ситуация с ее угнанной машиной… Спасибо, Аня. Ответ на твой вопрос может прояснить многое.

– А ничего, если я попрошу еще борща? – поинтересовался Кольцов. – Есть в нем что-то необычное, какая-то изюминка.

– Не изюминка, а маринованный имбирь, – ответила Аня. – Конечно, можно, даже нужно. Не люблю доедать вчерашнюю еду, а выбрасывать всегда жалко.

– Имбирь! Маринованный! В борще! – восторженно провозгласил Кольцов. – Вот теперь я поверил в то, что ты, Игорь, отрыл партнера-самородка.

«Скотина, – подумала Аня. – Все-таки сексист и расист. Поставил меня на мое место у плиты, не заметив остального».

Жизнь Ани изменилась таким странным, почти невероятным образом, что как тут решишь: это серьезная перемена или та самая катастрофа, страх перед которой так часто парализовал ее мозг в формальном покое и одиночестве. Какой там покой: мы живем за картонными стенами, в одном коридоре с людоедами, для защиты только коготки Норы, которую любой пьяный подонок просто раздавит башмаком. Но то был только страх, воспаленные предчувствия в полном бездействии, а сейчас она и еще несколько человек вступили в реальный контакт и неизбежный конфликт с невидимой и безразмерной армией криминала. А у Ани есть только напряженность, тревога, необычная собранность, но страха больше нет. Она ведь в самый грозный час может выйти в коридор с Норой на руках и позвонить в дверь Игоря. Спрятаться у него и с ним, и он все решит. На худой конец он позовет нахального Кольцова, за спиной которого точно одни победы с поверженными противниками. Аня, конечно, нервная и подозрительная, но она начинает верить в то, что беспомощны не все. И это самое невозможное из того, что с ней могло случиться. Дело не в том, что рядом появились какие-то люди, дело в их качестве. А тут она не ошибется: нюх поисковой собаки не позволит.

От Ани по-прежнему не требовалась работа в «поле», у нее была особая роль созерцателя и немного аналитика. Игорь несколько раз в день сообщал ей информацию. И для Ани было очевидно, что это не искусственное вовлечение ее в дело, не поддержание компании. Игорь явно рассчитывал на ее интуицию, догадки, открытия там, где он сам не увидел ничего необычного.

Кольцов уже вплотную работал с «подругой» Ирмой Денисовой. С легкостью вышел на прямой контакт. Она, бабища, знающая толк в огне, воде и медных трубах, сразу пошла на сотрудничество на «доверии». Это же не полиция, а человек, зарабатывающий частным сыском. Стало быть, у него есть цена. Впрочем, цена полиции для Денисовой тоже не была тайной за семью печатями. Потому дела в отношении ее деятельности иногда открывались, но тут же закрывались.

По сравнению с Егоровой Денисова была почти публичной личностью. Свои сделки с недвижимостью проводила через реально существующие агентства. В штате не состояла, но числилась среди «специалистов». По ее сделкам агентства получали самые большие комиссионные, и это говорило обо всем. Кольцов уже знал, что квартира Егоровой время от времени объявляется сданной в аренду на длительный срок и за внушительную сумму. Арендаторы всегда липовые. Подписи и печати нотариусов настоящие. Не раз эта квартира якобы выставлялась на продажу, продавец получал внушительный аванс, потом сделка расторгалась по воле «покупателя», появлялась невнятная расписка о возвращении аванса. Вся эта возня имеет классическое название – «стирка». Отмывание грязных денег.

– Короче, нам в этом дерьме рыться – только время терять, – поделился Кольцов мнением с Игорем. – Не мошенников в этих сделках нет. И все, что мы можем, – это купить лопату отделу экономических преступлений и предложить им тут копать. Мое дело – найти сейф и Зинку в придачу, я правильно понял?

– Совершенно верно. Нам бы какие-то детали, чтобы зацепиться. По Егоровой и Зинаиде – ноль цифровой информации. Таких невидимок миллионы. Родилась, адрес, Егорова – неработающая пенсионерка, Зинаида – безработная. Квартира Егоровой довольно дорогая, у Зинаиды есть своя. Машина Зинаиды новая и приличная. Аня говорит, что на обеих дорогая одежда. Любят белый и красный цвет. Понятно, что во многом это результат мошенничества с квартирой или квартирами. Но Аня сказала, что чувствует тут что-то еще.

– А я чувствую, как мне несказанно повезло. С пророчицами и ясновидящими еще не приходилось сотрудничать. Игорь, твоя соседка, конечно, прелесть, как и существо, которое она называет кошкой, но не ведись, пожалуйста, на пленительные фантазии и бредни полной дилетантки. Я рад, что она с нами: искренний человек, наблюдает за подозрительной соседкой из-за приоткрытой двери. Но это все, что мы можем получить от твоего партнера, извини за выражение. Так я поехал к Ирме? У нас практически свидание у нее дома.

– Да… Интересно получилось. Я впервые вижу, что тебя может раздражать милая и доброжелательная женщина. Но у Ани не бредни. Она как раз очень адекватна, что для меня и решило вопрос с партнерством. Допускаю, что это может выглядеть необычно. Да, полный дилетант… Но как часто наш профессионализм оборачивается цинизмом и тупо нелюбопытством… Короче, прости и прими мой эксперимент, – заключил Игорь серьезно и почти категорично.

– Как скажешь, шеф, – поднялся Кольцов. – Честь имею.

Через час Сергей сидел на шикарном диване под антиквариат в не менее шикарной квартире черного риелтора Ирмы Денисовой и смаковал исключительно умело приготовленный изысканный коктейль.

– Ирмуля, – говорил он проникновенно. – Ты мне страшно симпатична. Чувствую жар ума, силы, возможностей, и все это окрашено ярким светом женского обаяния. Давай просто поможем друг другу.

– Очень интересно, чем ты можешь помочь мне, – ухмыльнулась холеная дама, крепко сбитая из тренированных мышц, уверенности, наглости и приобретений самого отмороженного опыта.

– Только обетом искренности и чистоты, – преданно посмотрел на нее Кольцов. – Ты же понимаешь, моя профессия – быть кладезем информации для любого следствия. Но мое право – стать для него могилой сведений о тех, кто мне приятен.

– Звучит как шантаж, или мне показалось? – произнесла Ирма, но Сергей не только не заметил в ее лице враждебности, он даже поймал луч откровенной блудливости в небольших карих глазах, которые до этого казались почти

стеклянными, столько всего они насмотрелись за жизнь.

– Я всего лишь сказал, что бываю полезен, – нежно посмотрел в ответ Сергей. – Иногда очень сильно. Ирма, скажи мне одно: где, по твоему мнению, могут быть сейф и Зинаида, а я поделюсь с тобой своими наблюдениями, тем, что тебе может быть интересно.

Ирма вышла из гостиной, вернулась с блюдом, на котором возлежал копченый лобстер, и бутылкой виски. Налила виски в стакан Сергея и попыталась нежно произнести своим командирским голосом:

– Перекуси, давай выпьем. Так что за наблюдения?

– Ох, – вздохнул Сергей, любовно рассматривая лобстера. – Не хотелось никому портить настроение. Наблюдения вполне примитивные и вульгарные по сути. Егорова орет на весь подъезд, что ее богатства украли, все, как говорится, нажитое непосильным трудом, дочь похитили, хватает за фалды прицельно юристов дома. Она, Ирмуля, раздает списки подозреваемых. Ты – первая.

– Ах ты ж… Сука, – прошипела Денисова, лицо ее стало багровым. – Она ни копейки не получила без меня. Даже когда была на зарплате. Мы вместе проработали в социальных службах тридцать лет. Но это без подробностей, конечно. Я украла этот сраный сейф, в который она складывала то, что утаила от меня? Я легализовала все ее доходы, открыла на ее имя счета в спокойных местах, без санкций. У нее там миллионы баксов. А она такая жлобиха, что в магазине подбирает каждую монетку в десять рублей у кассы и быстро прячет в карман. Какие-то деньги с постояльцев она получала наличными, должна все отдавать мне для отмывания и легализации, но, конечно, ворует. Я догадывалась, но мне не до того, чтобы копаться в ее грязи.

– А откуда постояльцы, не секрет? То есть секрет, конечно, но намек только для меня, – ввернул Сергей. – Такое впечатление, что дороговато платят за день или неделю.

– Мягко говоря, – произнесла разъяренная Ирма. – Я и размещаю информацию о сдаче ее квартиры для особых людей за особую плату на закрытых сайтах. Там в основном те, кому надо спрятаться на время бесследно. И они денег не жалеют.

– К примеру?

– Я же сказала – без подробностей. Но, к примеру, сайт hrennaidut.ru. Его любят и зэки, и те, которые ими еще не стали. В общем, она украла деньги у меня, а Зинка – у нее. И это без вопросов. Найдете Зинку, найдете бабки. Она, между прочим, сидела за кражу. Сказать, кто посадил? Мамаша. Написала донос, что Зинка ее квартиру обчистила.

– Эту, в которой она живет?

– Нет, другую. Там было немало квартир. И все с моей помощью. И с приличным доходом в любом случае. Но об этом больше ни слова. Не надо мне, чтобы и ты в том рылся. Я хорошо зачищаю следы, и мне это дорого стоит. Давай наконец выпьем и поедим. Что-то я разволновалась. Сказать тебе, в чем главная беда любого дела? Нет порядочных людей. Ни одного.

– За это выпьем, не чокаясь, – скорбно и торжественно произнес Кольцов. – Мы одни с тобой, Ирмуля.

Вышел он через час совершенно трезвым, оставив обретенную подругу Денисову в состоянии глубокого опьянения. Думал о своем, философском. О том, что самые стальные нервы срываются напрочь, когда за дело берется профессионал.

Сбор группы «три плюс Нора», как всегда, в квартире Ани. И это объяснимо техническими причинами: в офисе ремонт, готова пока только комната айтишников. В квартире Игоря – тоже фронт работ. Пикантность в том, что и заказчица, она же криминальный элемент, дышит за своей дверью, прижав ухо изнутри. Небольшая неловкость в том, что Сергей с беспощадностью профессионала обозначил свое отношение к партнеру Игоря. Он просто за четкое распределение функций. Он сам может рыть, находить, колоть кого угодно, но он же не лезет делать экспертизы за Масленникова. Не ставит задач, как владелец бюро Игорь. И ему приятно видеть Аню, с ее нежным лицом, похожим на цветок: мягко сияют большие глаза орехового цвета, трепещут ресницы, выразительные, нервные губы постоянно готовы к плачу, смеху, ахам и охам. И борщ с имбирем! Но это невозможно – терять время на наивные, совсем младенческие фантазии Ани. При всей симпатии. Сергей занялся элементарным техническим поиском одного сейфа и одной алкашки. И да, он согласен с Ирмой:

алкашка и сейф, скорее всего, вместе. Но дело кажется все более сложным. Он приблизился к каким-то деталям и почувствовал знакомое напряжение: настоящее преступление совсем рядом, а у него ни одной идеи – где и что. И речь не о том, что Зину могли уложить подельники, отбирая украденный сейф. Дай бог ей, конечно, если не здоровья, то жизни, но не великая потеря для человечества. Так в чем же дело…

Сергей вошел в квартиру, бодро поприветствовал хозяйку, Игоря, а Норе даже пожал лапку. Протянул Ане пакет: в нем небольшая бутылка водки и неплохое красное вино. Она заглянула в пакет и сразу уставилась на него своими глазищами обвинителя:

– Красное вино мне? Как даме?

Елки, еще и это. Она постоянно пытается его уличить в сексизме и дискриминации.

– Слушай, Аня. Я очень устал, – сказал Сергей без обычной иронии. – Мне просто не до твоих тараканов. Ну спусти в мусоропровод это несчастное вино, если оно унижает тебя как личность. В следующий раз принесу качественное успокоительное, у меня есть клиент-психотерапевт.

– Ну, вы даете, ребята, – растерянно произнес Игорь. – Мне, кажется, надо было предусмотреть должность специалиста по подбору персонала с психологическим образованием. Персонала из трех человек!

– Не обращай внимания, Игорь, – виновато произнесла Аня. – Это я, конечно, начала… Как вздорная, придирчивая тетка. Я просто в последнее время страшно волнуюсь. Извини, Сережа. Я вообще имела в виду не то. Прочитала недавно, что лучше покупать белое вино: оно после охлаждения всегда кондиция. А плохое красное в любом виде – помои. Ой, еще раз извини. Ты, конечно, знаешь толк, и это очень хорошее вино. А я приготовила такое блюдо: легче перечислить, чего в нем нет. Но главное: я положила в него маринованный имбирь, тебе же так понравилось.

– Да ну! – искренне изумился Кольцов. – Можно, я тебя обниму, подруга ты наша боевая и такая смешная. Я дурак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylova_evgeniya/uteshenie-izgoev

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити